

подернулось полупрозрачной сетью и надвинулось в предвечерней дреме на хребты; мутная река плескалась о тальники и играла их гибкими телами; огонь костра растекался по золотым углям и нежил пушистую золу, и сизый дым кудрявился над костром, над тунгусом и таял в вышине. И этому небу, этой реке, и костру, и тальникам, и изменчивому дыму тунгус рассказывал свои мысли» (10, с.285). Создавая характер своего героя, автор не пользуется привычными приемами. Нет портрета, авторской характеристики и т.п. Правду о герое мы узнаем лишь из его поступков, из его речи.

Внутренний мир Бигалтара покажется европейцу простым, даже примитивным, его быт представится убогим, но эта простота жизни, природы и бытия подчинена единому нравственно-природному закону, где внешнее и внутреннее не вступает в противоречие, где действует единый закон – закон тайги, закон жизни.

Литература

1. Русские писатели: 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1. – М., 1989.
2. Трушкин В.П. Исаак Гольдберг // Трушкин В.П. Литературный Иркутск. – Иркутск, 1981.
3. Забелин П. Путь, отмеченный на карте. – Иркутск, 1971.
4. Сибирь. – 1914. – 11 янв.
5. Скальд. Тунгусские рассказы // Сибирская жизнь. – 1914. – 4 февр.
6. Будущая Сибирь. – 1933. – № 3.
7. Скальд. Тунгусские рассказы // Сибирская жизнь. – 1914. – 4 февр.
8. Гольдберг Ис. Поэма о фарфоровой чашке. – М., 1965.
9. Будущая Сибирь. – 1933. – № 3.
10. Гольдберг Ис. Сладкая полынь. – Иркутск, 1964.

О.Ю. Ващутина

преподаватель русского языка Омского танкового инженерного института
г. Омск

Заповеди «деревенской прозы» в стихах «шестидесятника» Н. Кузнецова

Лирическая поэзия омского поэта-«шестидесятника» Николая Кузнецова и «деревенская проза» 1960-1970-х гг. рассматриваются как явления, типологически близкие.

О. Vashutina

Village «country prose» in the lyric poetry of N. Kuznetsov – the man of the sixties

The author of the article says that the lyric poetry by Omsk poet the man, of the 60-s, Nikolai Kuznetsov and «the «country prose» of the 60-70 of the 20 th century are typologically related.

В 70-е гг. из поэтов «эстрады», пожалуй, лишь так называемые барды пытались преодолеть эклектизм исторического времени, его духовную несостоятельность проповедью музыкально-романтического идеала рыцарского благородства (Б. Окуджава), личного мужества, риска (В. Высоцкий). Однако этот идеал был взят как бы со стороны, из другого времени: он минуется современную конфликтность, не разрешая ее, а заменяя собой. Это был идеал в чистом (сказочно-балладном) виде, освобожденный от реально-исторической сложности.

Альтернатива изживающим себя ценностям была найдена, но не поэзией. Это открытие принадлежало прежде всего прозе. Таким открытием в конце 50-х годов стала проза о деревне, представленной как субстанциональное начало русской жизни, как исток и почва духовной целостности, непреложных нравственных основ.

Поэзия в целом, как отметил А. Павловский, «пошла в эти годы по пути, открытому прозой (1, с.211). Не случайно эволюция многих «тихих» лириков произошла совершенно стремительно как простая смена событий. Поэтическим устремлениям «тихих» не свойственна была ориентация на философскую мысль. Ситуацию драматической разобщенности мира «тихие» чувствовали, но не пытались осмыслить: они просто возвращались памятью к прошлому родины, к собственному миру детства. Именно память стала всепоглощающим пафосом их поэзии. Возвращение к детству, юности, непосредственно связанных с природным миром родины, позволяло сохранить единство «я» и «идеала» (природы-родины).

В 60-е гг. обозначился перелом в творчестве поэтов старшего поколения (А. Твардовский, А. Прокофьев, Я. Смеляков, А. Яшин и др.): по-новому осмыслялось значение прошлого национального опыта, «обострилось чувство национального обновления, утверждалась тема России, ее новых горизонтов» (2, с.201). В 70-е гг. проявилась закономерность обновления традиционного крестьянского менталитета, обусловленного естественным развитием событий. Стала первоочередной проблемой «нового» (3, с.157) народного ума.

Николай Кузнецов, крестьянский сын, интеллигент в первом поколении, представляющий себя «древним скифом», стерегущим равнину, пришел в поэзию не с намерением заявить о себе, а чтобы показать всем мир, который ему дорог. Он начал с того, к чему поэты приходят после долгих лет раздумий: от городских тем возвращаясь к памяти детства, к деревне, к истокам жизни. По справедливому замечанию критика, Кузнецов в самом точном смысле «земной поэт», «поэт земли, лугов, пажитей, солнца, детства, материнской доброты» (4, с.3) – поэт всего, что естественно, извечно на земле и в человеке.

Кузнецов оказался в положении, естественном для сельского жителя, и особом – для поэта. Многие поэты охотно писали о деревне, но неохотно в ней жили, оттого и деревенская жизнь «являлась в их стихах либо в беглых эскизах, либо слагалась из броских примет» (5, с. 14).

Кузнецов обратился к «малой» деревенской родине своего детства. Его поэзия, как правило, сюжетна, многие стихи посвящены конкретному случаю житейской ситуации, деревенским людям. Его можно назвать бытописателем, раскрывающим хорошо знакомый природный мир деревни, обусловленные им характеры («Утро в деревне», «Пожар в кошаре», «Отец», «Бабушка Алена», «Весь крестец коровы в лишаях», «Поминки»).

Для Кузнецова эта жизнь – могучий поток, обступивший его со всех сторон. Приметы жизни складываются в единую картину, в которой «деревня по пояс в воде», радуется «белый цвет черешни», чувствуешь «картошки вкус разварист», видишь «сбивающиеся в стаи» птиц. Венчает эту картину двуединый образ «Матери и Земли» («Как мама обнимала»). Метафора стиха «резка» и «экспрессивна» (4), она рождается не из буйства художественной фантазии, а из естественно первозданного взгляда на жизнь. И среди этих примет автор являет свое лицо, готовое «...всякий шорох слушать. / И спать. И есть. И жить» («Из детства»). Многим событиям поэт сознательно придает торжественно-ритуальный характер, показывая значимость всего цикла крестьянской жизни («Как я искал коня»).

Судьба поэта с крестьянским миром связана только изначально, но смена местожительства мало повлияла на его мироощущение – он сохранил в себе деревенскую основу и ощущает себя маргиналом в урбанизированном обществе. Вот отчего ищет опору в воспоминаниях детства.

Поэтическому сознанию Н. Кузнецова не присуща противоречивость: «настрой души неколебим и точен»; ему присущи самоуглубленность, «думы о душевном совершенстве» и цельность «зрения», обращенного на мир природы. В то же время его поэзия лишена эпического равновесия, когда судьба «малой» родины и судьба государства предстают как единое целое в своей устремленности в будущее.

Деревенская родина поэта словно остановилась в своем движении, замерла, брошенная и обезображенная, словно «крестец коровы в лишаях», всюду «разор и поруха» («Притча о блудном сыне»).

Сознание этой брошенности породило шемящие мотивы грусти, вины за свое «бегство» в город – навстречу «соблазнам и грешной судьбе», когда он «отгородился кучей умных книг / от поля, боли, от крестьянской доли – / деревни блудный сын, ее должник» («Деревни блудный сын»). Мерой ответственности определяется горькое сознание его души: «лирический герой поэта не утратил «связей корневых» (6, с.168).

Кузнецов в своем творчестве продолжает трагическую коллизию творчества Есенина, крестьянских поэтов, Рубцова, выражающих не просто драму утраты целостности миропонимания; его стихи свидетельствуют о трагедии разрушения, подавления основ национального менталитета, который для крестьянской страны (еще перед Великой Отечественной войной Россия была на 2/3 деревенской страной) связан с крестьянским менталитетом.

Заметим еще одну особенность. При всей конкретности наблюдений картины детских воспоминаний у Кузнецова индивидуальны. Он не избегает индивидуализированных конфликтов. Ему не чужды контрасты жизни, когда он обращает свой взгляд на картины деревенской при-

роды: «Мы былинки в поле – ветер нас колышет. / На ветру холодном разве кто услышит?» («Бабушка Алена»). Нередко изображаемый мир идеализируется поэтом, обнаруживая идиллическое начало как эстетическую основу многих жанровых модификаций в творчестве Кузнецова – в этом «способе исправления», возвышения дает о себе знать тот же механизм благопожелания, что существует и в народных обычаях: «пепел сожженной листвы» землю «одарит плодородьем», «край родной как край целебный».

Чем так берет за душу книга стихов «В полях воспоминаний»? Тем, что события, ситуации, сюжеты погружены в поэтическую дымку, изукрашены: капли не просто падают с крыш, а «четку обрушивают»; не день проходит, а «жеребенок резвый» пробегает; так же обыкновенна и необыкновенна «листвы цветастая метель» и «осыпающая белым пухом береза». «Обыденность опровергается и преобразается тем, – как справедливо заметил А. Урбан, – что «в ней есть красивого, доброго, сердечного» (5, с.22). Поэзия и проза у Кузнецова слиты, как это характерно для народного, крестьянского сознания: «похож на вдохновенье / пастуший терпеливый долгий труд». Кузнецов не просто увеличивает в своей поэзии предметный перечень деревенской жизни. Как таковые, без связи с человеком, они для него мало что значат. Он объединяет их общей интонацией, в которой звучат чувства радости жизни, единения мира и человека, слияния с миром природы: «Я» хочет воплотить себя «в капли, в ручьях и в словах...» («И брызги до неб...»); «Как на человеческий язык / перевести природы вечный крик, / перевести природы вечный зов, / тихое мерцанье вещей снов?» («Черная весна»); «И, возникая из печали дней, / идут дожди, стихи, проходят ветры...И вроде помнил, да давно забыл / ты разницу меж ветром и судьбою» («Идут дожди»).

В целом же Н. Кузнецов, как и все представители «тихой лирики», чувствовал разобщенность мира, но не пытался осмыслить ее; он просто возвращался памятью к прошлому родины, к собственному детству, олицетворяющему в его сознании идеал естественной и целостной жизни. Именно память стала пафосом его поэзии:

Уходим, забываем, покидая,
И даль бежит вдогонку, будто мать.
Как хочется воскликнуть: «Никуда я!» –
Но надо уходить и покидать.
А после долго память ворошить,
В «траве забвенья», в далах расставаний,
И возвращаться в те места, и жить
В задумчивых полях воспоминаний («В задумчивых полях воспоминаний»).

Возвращение памятью к детству, деревне, деревенскому труду типично для поэтов, связанных с деревенской культурой. Тяги к проблематичному будущему у них, как правило, нет.

Обрести духовный покой поэту в наши дни удастся только на даче, где отсутствуют суета, мелочные проблемы: «Разве можно, братцы, / злиться и ругаться / при таком богатстве / и цветущем царстве?» (7, с.39) («Ничего нет лучше дачи-огорода»). Дачная жизнь соединяет «счастливую свободу» деревенской жизни и «нормы» города. Но здесь все течет размеренно и спокойно: «Только я замечу, / как расцвел горошек, / как уже сердечным / счастьем огорошен».

Жизнь современных дачников отличается от жизни дачников, например, первой половины XX в., которая была наполнена чертами мещанского уклада, определявшими жизнь городской интеллигенции, с «пылью переулочной», «скукой загородных дач», «женским визгом», «с прогулками у канав» (8, с.92). Слово «дачник» вбирало в себя значение «культурно-бытового промежутка», когда дачник был не дворянином-помещиком, не крестьянином-тружеником и не буржуа. Он повисал между «культурным стереотипом» (6, с.83). Дачный быт, пришедший на смену, не был «естественным продолжением» прошлой дачной жизни.

Дачник в самой основе этого понятия – человек, «как бы» связанный с землей, природой и культурной памятью» (6, с.84). Поэту по-настоящему дорога эта связь, потому что в ней он видит связь человека с национальными традициями народа: «Видно, солнца лучик / беды убивает. / Чем на даче – лучше / места не бывает».

Обращение к теме деревни в конце XX в. возвращает к народным истокам и помогает осознать себя человеком, не утратившим связь с традиционно-народной Россией.

Литература

1. Павловский А.И. Память и судьба. – Л.: Сов. писатель, 1982.
2. Долгополов Л.К. Традиции Блока в поэзии 50-60-х годов // Русская советская поэзия. Традиции и новаторство (1946-1975). – Л.: Наука, 1978.
3. Анисимов В. Что же такое «деревенская проза»? (Заметки по поводу современных литературных споров) // Нева. – 1980. – № 1.
4. Золотцев С. Рецензия на рукопись кн.: Кузнецов Н. В полях воспоминаний. – М., 1986.
5. Урбан А. Жизненные основания поэзии // Вопросы литературы. – 1971. – № 4.
6. Лотман Ю.М. Камень и трава // Лотмановский сборник. – М.: Изд-во «ИЦ-Гарант», 1995.
7. Кузнецов Н.М. Поздняя память: Стихи. – Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2004.
8. Блок А. Избранное. – М.: Просвещение, 1988.

Н.И. Клешина

старший преподаватель кафедры литературы Бийского государственного университета им. В.М. Шукшина
г. Бийск

Жанровое своеобразие поэмы И. Бродского «Горбунов и Горчаков»

Жанр поэмы И. Бродского «Горбунов и Горчаков» характеризуется как оригинальное соединение драматического, лирического и эпического начал.

N. Kleshnina**Genre originality of "Gorbunov and Gorchakov" poem by Iosif Brodsky**

The genre of the work «Gorbunov and Gorchakov» is regarded as a new non-definitive poem which is characterized by special correlation of drama, lyrics and epic principles in it.

Поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков» уникальна с точки зрения жанровой модели (ее жанровое определение как поэмы является авторским (1, с.58)), параметры которой релевантны в пределах неклассической парадигмы художественности. Жанр произведения можно рассматривать по типу новой неканонической поэмы, характеризующейся развитием неосинкретической тенденции, особым соотношением драматического, лирического и эпического начал (2, с.322, 328).

Жанровую стратегию поэмы «Горбунов и Горчаков», мы полагаем, формируют следующие положения: представление автора о творческом процессе, в нем, по мнению И. Бродского, творческая воля поэта детерминирована сознанием самого языка; представление автора о языке, близкое определению Ю.М. Лотмана: язык мыслится «некоторой первичной сущностью, которая получает материальное инобытие, овеществляясь в тексте» (3, с.3). Данные положения обуславливают проблемное поле поэмы, ее концептуальную сферу, систему образов, управляющую инвариантно-тематическим и сюжетно-композиционным уровнями.

Лирическое начало в ней сочетается с эпическим сюжетом и драматическим действием. Событием, аккумулирующим драматическое, эпическое и лирическое начала в жанре данного произведения, формирующим его «внутреннюю меру», является звучащее и артикулируемое слово, речь. Оно по отношению к героям представляет внешнее и внутреннее действия, различаемые по принадлежности их к сфере эпоса, драмы и лирики: «в эпосе и драме акцентированы – в пределе – чисто внешние действия; в лирике – также в пределе – чисто внутренние движения» (4, с.187).

Драматическая, лирическая и эпическая грани поэмы, в свою очередь, проявляют в смысловом поле главного изображаемого события – слова соответственно три аспекта: эмпирически-бытовой, условно-поэтический и субстанционально-мифологический.

Своеобразие драматических произведений, по определению В. Хализева, заключается, прежде всего, в их особой речевой организации, а именно: в доминировании «непрерывной линии» словесных действий персонажей и в особой активности этих речевых действий (5, с.8). Действие поэмы непосредственно соотнесено с процессом речи героев. Здесь подобная речевая организация является не только структурно-жанровым основанием, но и собственно предметом изображения в границах художественной реальности произведения. Развитие действия поэмы